

Сельс дигит-1091-11-129200 (28)-СР

ПРАВЕДНИК

К 160-летию
со дня рождения
Н. С. Лескова

ПОНЕДЕЛЬНИК,
11 ФЕВРАЛЯ, —
ПЯТНИЦА, 15 ФЕВРАЛЯ,
РАДИО-1, 13.10;
РО-4—13.10; РО-3—7.15;
РО-2—7.15; РО-1—3.15

Если бы он просто решил «нашкодить» этим своим «скандальным» романом «Некуда», не стал бы гнуть свою линию дальше. Остановился бы, заслонившись чем-то иным от камней слева и справа, дабы выжить, дабы смириться и продолжать жить в слове. А он всем им еще бомбочки — «Обойденных» (1866), «На ножах» (1870—1871)... Мы не случайно начали с «Некуда». Чтением романа подошли мы к юбилею великого (да, именно так — великого!) писателя.

Вокруг «Некуда» буря была такая! И что автор (выступил Лесков под личиной М. Скребицкого) — «доносчик и наемник III отделения, и что он цинично вывел пародию на ревдемократов. Как безжалостно стукнули его за роман! Художественности не признали, от литературы отлучали (особливо бритва-языкий Писарев резанул, сидячи тогда в Петропавловке и управляя духом журнала «Русское слово»), руки призывали автору в приличном обществе не подавать. Шестидесятые годы распечатаны отменой крепостного права (сиречь бесправия), демократические силы вскипали повсеместно. Нигилистам хотелось все и сразу. Они знали как. Но были честные души, наделенные предвидением-предчувствованием, кто знал истинную опору — народ (в главном счете — крестьянский) не по идее, а по сути и кто взял на себя риск предупредить. Его не расслышали. Известно, что «демократов» критиковать вещь опасная. И вокруг романа грянула буря. «Крайние пути, указанные Чернышевским», — писал Лесков уже на склоне лет, оглядываясь и на свой первый «вселенски оскандальный» романский шаг, — были слишком большим скачком для молодого поколения, и я не ошибаясь, говоря, что это поколение и все общество не подготовлено к таким скачкам, что оно изменит себе, изрекается или просто опомнит всякое дело, за которое возьмется... Я не хочу сказать, что нигилисты дрянь, а наше общество — лучше, я так никогда не смотрел на дело, и мое «Некуда» в лучших его представителях говорит, что в обществе не было никаких идеалов и нигилисты должны были искать их на стороне. Но Чернышевский должен был знать, что, восторгаясь его делом, наше общество тотчас на другой день выберет себе кварталного!»

Горькое пророчество! А ведь не один Лесков прокричал тогда «профетику». Слил-ся он с пророческим гласом и Писемского («Взбаламученное море»), попал в будущую тональность «Бесов» Достоевского (страницы романа скоро будут читаться по радио О. Борисовым), проборождал бо-льшак, по которому позже хлынут замаятинское «Мы», платоновские «Чевенгур», «Кот-

лован», «Ювенильное море», хакслиевский «О дивный новый мир», «1984» Оруэлла — то есть все самое-самое антиутопическое.

Зачем было Лескову драться, зачем молодую гениальную голову класть на плаху под общественный безжалостный сиюминутный топор? Ради самоутверждения, эпатажа, сенсации? «Жертва» шла из сердца, ведомого безукоризненной лесковской интуицией, и грандиозного, самобытнейшего дара. Пошел он на это ради одного: чтобы обществу, Отечеству любимому этих зловещих пророчеств как раз избежать. Его первая книга стала для тогдашнего общества зеркалом. Верней — увеличительным стеклом.

Легко казнить или мловать пророков задним числом, особо нынче, когда вроде бы можно, когда гласность, когда истина начинает отряхиваться от слежавшегося пепла, праха, ложной «нахлбучки». Но кто понял и принял его «Некуда» тогда, в свое время?! Никто! Слабый от одиночества и тупика наложил бы на себя руки, бросился в омут горькой... Лесков поднял голову, взял перо и уверенной рукой выписал: праведники. И пошел, как говорят теперь ученые-литераторы, «рецидивировать», бросать на свет то, чем полна была с детских лет его мятежная душа (ведь писать взялся он в тридцать, когда уж весь «набух от пережитого»); и пошли «Соборяне», «Запечатленный ангел», «Леди Макбет Мценского уезда», «Тупейный художник», «Левша», «Очарованный странник», «Воительница» (спектакль Театра сатиры по очерку Лескова слушайте на этой неделе)...

Подытожим... Вслушайтесь непредвзято в страницы романа «Некуда» (читает В. Шалевич). Нет, не антинигилистический это выпад, а живое свидетельство эпохи 60-х годов прошлого века, той сложной, бурлящей жизни, в которой мы без труда почтем мотивы и нашего, не менее «взбаламученного» времени.

О терпком слове Лескова говорено столько! Казалось, подчас даже слишком говорено. Да, слово его сочно, кружение его дивно, произносит его всяк на свой лад, нам на удивление, на усладу нашего, обнищавшего от сплошь штампов, слуха. Но не забывай, дорогой читатель-слушатель, что за чудным словом — дело. А главное дело Лескова была правда народная. Оттого-то и дал нам писатель уроки праведности, оттого-то и волнуют нас его герои-праведники, кто взял на себя из жизни столько греха — и своего, нечаянного, и чужого, дабы через это прийти к спасительной истине. Лесков сам был праведником... Очарованным.

В передаче участвуют литературоведы П. Горелов, В. Троицкий, священник В. Асмус.

В. ГУСАРОВ

105